

УДК 81'42

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.3.47

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕЧЕВОГО ЖАНРА СЛУХОВ В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАДИСКУРСЕ: СИСТЕМАТИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННЫХ РАБОТ

© Г. Ш. Хакимова

Южно-Уральский государственный университет
Филиал в г. Златоусте
Россия, Челябинская область, 456209 г. Златоуст, ул. Тургенева, 16.

Тел.: +7 (3513) 79 06 90.

Email: gkhakimova@yandex.ru

Настоящий обзор нацелен на выявление специфики научных подходов, осуществляемых в рамках лингвистических исследований, объектом которых является феномен слухов как речевой жанр, репрезентированный в различных дискурсивно-коммуникативных практиках массмедиа. В обозреваемых работах коммуникативно-текстовая природа слухов на материале различных языков исследуется в русле медиалингвистики с применением методов коммуникативно-прагматического, когнитивно-дискурсивного и культурологического подходов. Проникновение слухов, являющихся изначально устной неподтвержденной информацией, в текстовое поле СМИ свидетельствует о приобретении ими качественно новой характеристики – статуса письменных текстов и, как результат, возникновении в медиадискурсе речевого жанра медиаслухов. Оценка лингвистической литературы дает возможность констатировать формирование актуального направления в рамках отечественного языкознания, которое предложено именовать лингворумуралогией.

Ключевые слова: феномен слухов, медиаслухи, медиатекст, медиажанр, медиадискурс, массмедиа, систематический обзор.

Введение

Объектом изучения в настоящей статье являются исследования отечественных лингвистов, сфокусированные на жанре слухов в коммуникативном пространстве дискурса массмедиа. Эти работы занимают особую нишу в процессах изучения языковых аспектов слухов (см. систематический обзор исследований феномена слухов в современной отечественной лингвистике в [1]), поскольку высвечивают новые грани этого архаичного феномена, приобретенные им на современном этапе развития человеческого общества.

Актуальность данного научного направления обусловлена растущим уровнем информатизации и цифровизации всех сфер общества, дигитализации массмедиа и технологизации коммуникативных процессов в информационном обществе, способствующих более интенсивной циркуляции слухов. Статус слухов благодаря их всепроникающей способности повысился настолько, что, являясь изначально элементом устной неформальной межличностной коммуникации, они фактически превратились в типичные конституэнты различных сфер институционального дискурса массмедиа. Это означает, что их квалификационные характеристики подверглись трансформации, что потенцировало возрастающий интерес российской науки к жанру медиаслухов. Соответственно целью настоящей статьи ставится анализ и систематизация отечественных работ, освещающих различные аспекты слухов как вторичного речевого жанра в русле медиалингвистики. Научная новизна данного обзора

обусловлена назревшей необходимостью детального изучения и систематизации лингвистических изысканий, в которых жанр медиаслухов является как непосредственным, так и опосредованным объектом изучения (причем рассматриваются различные по объему труды). Практическая значимость настоящего исследования состоит в оценке степени изученности проблемы медийных слухов с позиций языковой практики, необходимой при разработке лингвистической теории слухов.

Результаты и их обсуждение

В первых языковедческих работах, где поднимается вопрос о слухах и соположенных им явлениях – сплетнях – и их связи с медиатекстами, первые трактуются как элементы исключительно неформального коммуникативного пространства, а именно бытовой сферы межличностного общения, передаваемые исключительно изустным способом. В частности, в пионерской работе В. В. Прозорова, в которой молва впервые предстает как объект филологии, указывается, что современные формы бытования молвы обнаруживают себя «при самой активной поддержке средств массовой информации и коммуникации» [2, с. 166]. По нашим данным, тексты-слухи становятся частью исследуемой проблематики в работе В. И. Конькова, посвященной языку российских таблоидов 90-х гг. XX в. В своей статье «Бульварная пресса как тип речевого поведения» [3] исследователь в лучших традициях речеведения и функциональной стилистики подробно характеризует «речевой облик» текстов, составляющих специфику информационного потока массо-

вой прессы, во многом формируемого, по его мнению, устными текстами первичных жанров. В. И. Коньков приходит к важному выводу о том, что бульварная пресса как тип социально ориентированного поведения направлена на бытовую сторону человеческого существования и включена преимущественно в неофициальный информационный канал, представленный такими устными текстами, как слухи, сплетни, толки, пересуды, байки, анекдоты и др. Несмотря на то, что, по мнению автора, слухи и сплетни «живут полнокровной жизнью только в устной речи», все же подчеркивается, что «их письменная фиксация возможна», хотя при этом признается, что такие тексты существенно трансформируются в плане их смысловой и языковой структуры [3, с. 41]. Классифицируя и характеризуя эти типы, В. И. Коньков выделяет в качестве отдельных видов репутацию и секрет, которые, на наш взгляд, вряд ли могут интерпретироваться в качестве самостоятельных, поскольку акцентируют тот или иной признак концепта слухов, прежде всего выступая разновидностью светских слухов (судя по приведенным примерам) и варьируясь в тематическом или функциональном аспекте их свойств. В заключение исследователь определяет задачи изучения речевой структуры бульварной прессы, ориентированной на неподтвержденную информацию, намечая дальнейшие перспективы исследования проводящих ее текстов [3, с. 44–45].

Позднее к данной проблематике обращается М. В. Задитовская. Характеризуя особенности формирования информационного потока в русскоязычной «желтой» прессе, она относит к ее специфическим чертам интертекстуальность, направленность на разговорную речь, ориентированность на устные тексты, сенсационность информации (часто ложной), иронию, фамильярность авторов в обращении к читателю, эмоционально-экспрессивный характер публикаций [4]. Исследователь описывает жанровые признаки сплетни и слуха как источников информации и стилиобразующего приема, широко используемого «желтой» прессой, дополняя классификацию, предложенную В. И. Коньковым [3]. В частности, уточняется тематика передающих конфиденциальную информацию текстов, именуемых секретами, и выделяются такие темы, как доходы и траты, семейные тайны, хобби и отдых известных людей [4, с. 24]. На наш взгляд, здесь вновь речь идет о разновидности слухов, содержащих зачастую закрытую и нуждающуюся в подтверждении, но, возможно, вполне достоверную информацию, часто являющуюся элементом светских сплетен. А выделенный вслед за В. И. Коньковым тип «создание репутации», по сути, представляет собой прием формирования образа знаменитостей, конструируемого в рамках дискурсивных практик в том же жанре посредством апелляции к слухам и сплетням. Но в целом вполне оправданными являются рассуждения относительно жанро-

вой специфики слухов и сплетен и их взаимопротекания, а также стилистической направленности «желтых» изданий.

Перестройка коммуникативных систем современного информационного общества, бурное развитие глобальной Сети и компьютерных технологий, медиаконвергенция, обусловившая технологическую и культурную интеграцию коммуникационных и информационных технологий (старых и новых медиа), повлекшую за собой перераспределение ролей традиционных СМИ, привели к качественному изменению свойств слухов. Очевидным является тот факт, что слухи оказались весьма живучей и устойчивой формой передачи информации, способной успешно адаптироваться к новым условиям системы массовой коммуникации, «мутируя» и изменяя свои качественные характеристики. В связи с этим все чаще лингвисты видят в слухах, отраженных в СМИ, полноценный исследовательский объект. В следующих работах, выполненных в рамках медиалингвистики, последовательно доказывается возможность существования слухов в новом для них – письменном – формате массмедиа.

Как демагогический жанр современной российской прессы рассматривает слухи О. Н. Быкова [5]. Под углом зрения теории массовой коммуникации и на основе прагмакоммуникативного анализа исследователь фокусирует свое внимание на прагматических аспектах анализа языковых средств (на материале русского языка), используемых в прессе при эксплуатации слуховой информации для манипулятивного воздействия на массовую аудиторию. С позиций лингводемагогии дается подробный анализ применения разнообразных языковых приемов маскировки под нейтральную цель информирования, способствующих сокрытию истинной прагматической установки авторов – заменить слухами официальные сообщения. В качестве лингвистических средств выделены следующие: ссылка на нереперентный источник, прием генерализации и «умножения» сторонников адресанта, скрытая апелляция к «общепринятой норме», прием «удвоения» реальности, «мультипликация» действующих лиц, действий и ситуаций, игра слов, скрытое обвинение, многозначительный намек и др. [5].

Слухи как прагматическое средство воздействия в медиадискурсе исследуются в диссертации С. Н. Бородиной в рамках сопоставительно-контрастивного исследования русского, английского и французского языков с позиций лингвопрагматического подхода [6]. Принимая во внимание преобразовательные процессы, произошедшие в естественной среде слухов, повлекшие изменения их природной сущности, автор признает двоичность формы существования слухов (не только устной, но и письменной) и определяет слухи в современном медиадискурсе как «исходящее от одного или более лиц информационное сообщение о некоторых официально не подтвержденных событиях, возникаю-

щее спонтанно или создаваемое искусственно, распространяемое и тиражируемое посредством современных информационно-коммуникационных технологий, транслируемое устно или письменно через массмедийные средства и ретранслируемое далее в значительно измененном виде, функционирующее от момента его порождения до момента официального подтверждения или опровержения» [6, с. 147]. В работе устанавливается прагматический механизм реализации слухов, сложившийся в современном медиадискурсе и состоящий из набора стратегий и тактик, реализуемых языковыми средствами с целью влияния на сознание и поведение адресата (изменения массового сознания и совершения адресатом тех или иных действий). Выявляются лексические, грамматические и стилистические средства воздействия слухов в русском, английском и французском языках с учетом жанровых особенностей языка СМИ.

Некоторые лингвисты, мотивированные двойным интересом, расширяют сферу своих интересов в отношении слухов, раздвигая границы исследуемого пространства их бытования. Например, в новых работах О. В. Рамантова переключает свое внимание с области художественного дискурса на тексты англоязычных массмедиа, в которых актуализируются слухи [7–8]. Оставляя за понятиями *rumour* и *gossip* неподтвержденность и относительную достоверность в качестве основных семантических компонентов, автор дополняет их характеристикой «оценка достоверности сообщаемого, исходящей от объекта этих слухов» [7, с. 38]. Одним из главных тезисов выступает утверждение о том, что «слухи являются не только сообщениями, передаваемыми устно, но и сообщениями, публикуемыми в прессе» [8, с. 23]. Тем самым вновь находит подтверждение идея о том, что произошла качественная трансформация слухов, означающая, что закрепленный за ними статус устного вида коммуникации расширился, поскольку в современной массовой коммуникации они способны переходить в разряд письменных текстов или становиться их элементом.

В ряде работ проблема слухов затрагивается как часть рассматриваемой проблематики на фоне изучения многомерных категорий часто оппозитивного характера, обладающих интердисциплинарным содержанием: достоверность / недостоверность, определенность / неопределенность, ложь / правда (истина) и т.д. Так, при изучении лингвистических параметров коммуникативной категории достоверности, предстающей на основе когнитивно-дискурсивного подхода как сложное когнитивное образование и прагматическая категория, Н. Н. Панченко выделяет 8 основных типов речевых жанров, ориентированных на достоверное/недостоверное коммуникативное поведение [9]. Среди них выделен жанр газетной «утки», имеющий непосредственное отношение к изучаемому на-

правлению. Газетная «утка» признается как «закрепленный в письменной форме слух, «средой обитания» которого является массмедийный дискурс» [10, с. 39]. Автором выявляются дифференциальные признаки слуха и газетной «утки», на основе которых делается вывод о том, что газетная «утка» является разновидностью слуха, имеющего письменную фиксацию и представляющего собой исключительно недостоверную информацию («мифотворчество в чистом виде»). Газетная «утка» исследуется как речевой жанр на основе 7 критериев, предложенных Т. В. Шмелевой в виде «анкеты речевого жанра». В результате анализа газетная «утка» предстает как специфический жанр информативного типа, функционирующий в массово-информационном дискурсе, характеризуемый недостоверностью информации, интенциональностью (имплицитными целями дискредитации) и установкой на сенсационность [9, с. 301–314].

Е. В. Осетрова изучает проблему слухов в рамках универсальной гносеологической категории неопределенности и лингвистической категории авторизации. Несомненно, работы этого исследователя заслуживают особого внимания, поскольку представляют собой широкомасштабное изучение проявлений слухов в языковой и речевой действительности и вносят значительный вклад в изучение данной проблематики на основе речеведения как методологической базы. Е. В. Осетровой предложена концепция неавторизованной информации, обосновано существование Устного канала в рамках системы массовой коммуникации, одним из потоков которого являются молва и слухи, с опорой на методологический треугольник «язык-текст-речь» на русскоязычном материале описан механизм работы Устного канала в целом и функционирования слухов как самостоятельного речевого жанра в частности [11–14]. Слухи определяются автором как «речевой жанр – ключевой в оформлении и передаче неавторизованной информации» [13, с. 22]. Одним из главных выводов, к которым приходит исследователь, – это «подтверждение сложной, внутренне противоречивой природы слухов» [14, с. 87]. Помимо реконструкции сценариев ситуации обращения неавторизованной информации в устной коммуникативной среде, в обстоятельствах спонтанной речи в виде исчисления варьируемых коммуникативных шагов, автор исследует потенциал слухов как элементов письменной коммуникации, подчеркивая универсальный характер слухов, который «эксплуатируется всеми каналами практически в любой области коммуникативного пространства» [13, с. 24]. Признавая тенденцию массивированного введения неавторизованной информации в широкий социальный контекст, исследователь пристально изучает коммуникативно-текстовую природу слухов на материале текстов СМИ посредством выявления их структурно-функциональных особенностей с выделением

генерального (оказионального и конвенционального) и локального (занимающего в массмедийном тексте место эпизода) модусов неавторизованности [15–22]. Таким образом, Е. В. Осетрова прямо указывает на «разомкнутость границ между коммуникативным пространством СМИ и бытовой сферой общения», что приводит к тому, что «слухи теряют традиционную устную фактуру» и «осваивают новую для них форму существования – печатный и электронный носитель» [20, с. 268]. Причины экспансии слухов в современной коммуникативной среде, их перемещения из сферы повседневно устного общения в среду официального взаимодействия Е. В. Осетрова видит, во-первых, «в устном первоисточке неавторизованной информации, глубокой традиционности, берущей начало в специфике родо-племенной коммуникации», и, во-вторых, в содержательном разнообразии и «интересности» неавторизованных текстов (слухов), что, в конечном счете, поддерживает «содержательную свободу и речевую самостоятельность, к обладанию которыми так стремится активный носитель языка» [13, с. 39].

Отдельную нишу в исследуемом направлении занимают работы, в которых слухи рассматриваются сквозь призму языковой категории эвиденциальности (засвидетельствованности). Эволюция взглядов в лингвистике на данную категорию привела к тому, что первоначальное отношение к ней как к исключительно грамматической категории трансформировалось в сторону расширения границ ее значимости до категории коммуникативного или актуализационного уровня. Неоднозначность трактовок, спорный характер статуса коренится в близости эвиденциальности к категории эпистемической модальности. Пересечение этих категорий связано с пониманием эвиденциальности не только как узкой категории, кодирующей лишь источник информации, но и – шире – в связи с выводным знанием, которое должно обладать определенной степенью достоверности, что обычно выражается категорией эпистемической модальности. Присутствие эпистемического фактора в эвиденциальных значениях приводит порой к невозможности разграничить эти категории. Современные исследования доказывают, что категория эвиденциальности усложнилась в семантическом и структурном плане, поскольку эвиденциальные значения стали отражать более широкие сведения об источнике информации, включая оценку истинности пропозиции, что допускает их различную интерпретацию и оттенки оценочности. В частности, при пристальном изучении эмпирического материала английского языка установлено, что концептуальное поле эвиденциальности простирается до модусных значений, включающих категориальные признаки авторства, достоверности, информативности, кажимости, субъективного мнения или ненавязывания, непричастности и пересказывания чужих слов. Расширение ее функциональной нагруженности

происходит также за счет включенности дополнительных оттенков значений оценки, мнения, суждения, подозрения, уверенности/неуверенности, осведомленности, возможности, вероятности и др. [23]. Таким образом, эвиденциальность выступает в роли общего модального фона, поскольку представляет собой совокупность модальных значений. Помимо основной функции – указания на источник информации, сопряженного с усилиями субъекта речи подтвердить правдивость передаваемой информации или желанием снять с себя ответственность за возможную недостоверность суждения, она может транслировать дополнительные сведения о цели высказывания, характере описываемой ситуации, интерпретировать сообщение, передавать коммуникативную оценку информации говорящим. Это означает, что эпистемическая модальность входит в состав этой категории, придавая эпистемический статус модальности эвиденциальности. Полифункциональный характер категориальных значений и оттенков обсуждаемой категории обуславливает ее широкое использование в разных коммуникативных ситуациях и стилях, в т.ч. в рамках ситуаций передачи слухов и сплетен.

Лингвистическая ресурсная база эвиденциальных значений слухов успешно изучается в исследованиях, выполняемых в когнитивно-дискурсивном ключе. Впервые такой подход (на основе соединения лингвистической дискурсологии с этнокультурной плоскостью) применен в статье С. В. Ивановой и З. З. Чанышевой, в которой слухи, транслируемые в массмедийном политическом дискурсе, предстают как технология создания дискурса определенного типа. [24]. Исследователи подробно анализируют на материале англоязычной прессы дискурсивные практики внедрения слухов посредством эксплуатации авторами политических текстов языковых ресурсов на грамматическом и лексическом уровнях системы английского языка, а также жанровых ресурсов новостного дискурса массмедиа при информационном развертывании текста. Исследование ясно показывает, что, помимо эксплицитных ресурсов языка, лингвистический анализ может выявить имплицитные языковые и дискурсивные средства оформления исследуемого коммуникативного феномена. Особый интерес вызывает анализ особенностей и возможностей проявления текстовых категорий модальности и информативности, участвующих в камуфлировании непроверенных, недостоверных сведений. Впервые указана связь эвиденциальности и авторства как категорий модусной модальности, задействованных в подаче косвенной, анонимной информации, коей являются слухи. Широкая палитра этих средств обнаруживает глубокий суггестивно-манипулятивный потенциал речевого воздействия слухов, широко и искусно эксплуатируемый ньюс- и политтехнологами в рамках политического дискурса в сфере массмедиа. Авторы полагают, что результатом использо-

вания этих технологий становится создание особого – «анонимного» – дискурса в рамках массмедийной коммуникации. Таким образом, доказывается тот факт, что слухи полноправно циркулируют в прессе и «являются сегодня важным инструментом мифотворчества», частью современной политической и медийной культуры [24, с. 48].

Рассмотрение проблематики слухов сквозь призму категории эвиденциальности придает исследованию эпистемологическую направленность, поскольку дает возможность изучать их в контексте рационального знания, эпистемической сферы картины мира, категорий достоверности/недостоверности. Именно этот ракурс в сочетании с лингвокультурным освещением избран для изучения фактоидов – имитации фактов в массмедиа в статье В. И. Карасика [25]. Фактоиды, или квазифакты, интерпретируются как особая разновидность маскируемого вымысла и принципиально отличаются от факта несоответствием действительности. Противопоставление факта как достоверного знания и фактоида как знания недостоверного объективно приводит автора к рассуждениям об их когерентности с оппозицией истина/ложь, в которой фактоид соотносится с полюсом лжи. При анализе фактоидов как лингвокультурного явления в рамках сравнения медийных дискурсов коллективистского и индивидуалистского типов социума В. И. Карасик указывает на связь его содержательного плана со слухами, молвой, сплетнями, фейками (газетными «утками»). Сопоставляя понятия фактоида и слуха, автор приходит к выводу о том, что «слухи представляют собой более объемное коммуникативное образование по сравнению с фактоидами: слухи характеризуют как обиходное, так и медийное общение, фактоиды транслируются в массмедиа, слухи могут отражать реальные события, фактоиды относятся только к вымыслу, слухи не претендуют на достоверность, фактоиды преподносятся как достоверные сведения» [25, с. 23]. Согласно автору, в формальном плане фактоиды имитируют факты или проводятся посредством модусных индикаторов категории эвиденциальности, представляющих собой специальные знаки недостоверности информации и служащие для ухода говорящего от ответственности за недостоверность передаваемых сведений. Очевидно, что в данной интерпретации фактоиды предстают как разновидность искусственных, недостоверных медийных слухов, неподтвержденных, трудноверифицируемых, но воспринимаемых в качестве правдоподобных сведений.

К работам, выполненным в данном русле, можно с уверенностью отнести и исследования, в которых слухи являются частью рассматриваемой проблематики. Исследователи З. З. Чанышева и Р. Р. Хазиева затрагивают проблему слухов при изучении лингвокультурной специфики проведения ложной информации в дискурсивных практиках политического дискурса англоязычных СМИ, со-

ставляющей, по мнению авторов, каркас «конфликтотенного» медиадискурса [26–27]. Выявлено, что ложь облекается в разные языковые формы, маскирующие истинные цели адресанта и способствующие управлению информационным пространством адресата. Согласно представленной точке зрения, одним из языковых инструментов оформления лжи в рамках дискурсивного моделирования политической действительности выступает эвиденциальность, трактуемая авторами как квалификативная модусная категория, маркирующая не только источник информации, но и участвующая в соотнесении высказываемого с действительностью посредством оценки и интерпретации, т.е. способная насыщать смысловое пространство дискурса пресуппозиционной, фактуальной, оценочной информацией, не соответствующей действительности [27, с. 75–79]. В качестве наиболее частотного используемых средств «упаковки» недостоверной информации устанавливаются эвиденциальные маркеры слухов, обозначающие «неидентифицируемый, сомнительный источник информации» и представленные рядом синтаксических и лексических языковых средств. Любопытно, что нежелание журналиста озвучить источник сообщения проявляется и в эвиденциале, определенном как «неидентифицированный субъект, некоррелируемый автору текста», представленный, в частности, группой лиц обобщенно-неопределенного характера, хотя основанный на уверенности в достоверном знании ситуации (на наш взгляд, очень близкий к эвиденциальному значению слухов). Авторы приходят к выводу, что такие дискурсивные технологии оказываются весьма эффективными, поскольку позволяют журналистам, обойдя указание на источник сообщения, манипулятивно внедрить в массовое сознание ложную информацию [27, с. 85–105].

К кругу работ, освещающих проблематику слухов в медиадискурсе, можно причислить и диссертационное исследование Д. Д. Халгаевой, посвященное изучению особенностей жанра светской хроники, присущего для «женского» электронного журнала и включающего среди прочих базовых разновидностей светские сплетни [28]. Выполненное на стыке медиалингвистики, лингвокультурологии и дискурсологии исследование затрагивает гендерные аспекты функционирования слухов в англоязычном и русскоязычном сообществах в сопоставительном ключе. Интеграция достижений теории речевых жанров и достоинств дискурсивного анализа делает работу весьма продуктивной в плане приращения знания об актуальных характеристиках слухов, к разряду которых относится определенный автором как один из составляющих жанра светской хроники – субжанр «светская сплетня». Значимыми являются полученные в ходе стилистического анализа положения о развлекательной функции текстов данной группы, непринужденный, неформальный стиль, выражающийся

в широком использовании разговорной лексики, высокой степени ироничности и гиперболлизации как ключевых стилистических приемов создания экспрессивности [28, с. 105–141].

Наконец, новейшей работой в рамках обозреваемого направления является статья С. В. Ивановой и Г. Ш. Хакимовой [29], посвященная установлению специфики непосредственно медиаслухов в англоязычном дискурсе массмедиа на примере текстов жанра *celebrity gossip*. Избранный жанр исследуется на методологической основе теории дискурса-анализа. В фокусе исследования оказываются два (из трех предложенных М. М. Бахтиным) классических жанровых аспекта: содержательный (тематический) и формальный (структурно-композиционный), хотя авторы прибегают при их анализе и к стилистическому фактору. Установлено, что тематический уровень характеризуется устойчивым набором топиков, связанных с публичной и приватной сферами жизни селебрити (с явным превашированием последней), сенсационностью и скандальностью как доминантными чертами, тривиальностью тем, зачастую приводящей к псевдосенсационности. В структурно-композиционном плане тексты-слухи о селебрити авторы относят «к категории нежестко стандартизированных» [29, с. 411]. Это выражается в том, что диапазон форм, в которые они заключаются, простирается от типовых форм информационно-новостной группы (событийная заметка, новостная статья и пр.) до журналистских жанров категории *features* (портретный или проблемный очерк и пр.). Диффузность границ жанра приводит к гибридизации и полидискурсивности репрезентирующих его текстовых образований. Содержательный и формальный уровни напрямую связаны с функциональным планом текстовых конкретизаций изучаемого жанра, который, по мнению авторов, представлен совокупностью четырех интенций: информативной, рекреативной, оценивающей и воздействующей. Дается подробное описание разнообразных языковых и текстовых средств, используемых продуцентами светских слухов для повышения верификативной планки текстов, представляющих собой, по сути, неподтвержденную информацию сомнительной достоверности. В результате делается вывод о возникновении в рамках коммуникативного массмедийного пространства «особого дискурса неэвидентного типа» [29, с. 412].

Таким образом, в новейших исследованиях медиадискурса обнажаются факты проникновения слухов в коммуникативное пространство СМИ и утверждается возможность оформления и распространения слухов, вымыслов и другой неподтвержденной информации как письменных текстов. На наш взгляд, эти признания являются свидетельством того, что слухи «мутируют», приобретая ка-

чественно новые, во многом гибридные свойства в современном информационном обществе, что актуализирует необходимость их пристального изучения.

Выводы

Проведенный анализ свидетельствует о том, что существующие в отечественной медиалингвистике труды являются неотъемлемой частью исследований феномена слухов с позиций языковой практики, которые органично вписываются в тенденции мировой румурологии, обогащая ее новым знанием об этом сложном объекте. Более того, проведенный обзор укрепляет высказанную нами ранее мысль о том, что отечественные лингвистические штудии, освещающие проблематику слухов, способствуют становлению в рамках современного отечественного языкознания нового, актуального, самостоятельного, пограничного направления с формирующимися культурными научными традициями и концептуальным аппаратом, которое предложено именовать лингвистической румурологией или лингворумурологией (см. [30]). В фокусе ее внимания находятся лингвистические аспекты феномена слухов, связанные с его рефлексией в языке и коммуникации. Перспективность данного направления, нацеленного на создание всеобъемлющей лингвистической теории слухов, обусловлена многоаспектностью, многогранностью изучаемого феномена и не вызывает никаких сомнений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хакимова Г. Ш. Феномен слухов как объект штудий в современной отечественной лингвистике: систематический обзор // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. №6. С. 1705–1712. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210280>.
2. Прозоров В. В. Молва как филологическая проблема // Жанры речи: сб. науч. тр. №1 / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: Колледж, 1997. С. 162–167.
3. Коньков В. И. Бульварная пресса как тип речевого поведения // Логос. Общество. Знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса). СПб: СПбГУ, 1997. С. 38–45.
4. Задитовская М. В. Формирование информационного потока в желтой прессе // Труды РГУПС. 2013. №1. С. 20–30.
5. Быкова О. Н. Слух как демагогический жанр в современной российской прессе // Вестник КрасГУ. Гуманитарные науки. 2000. №2. С. 85–90.
6. Бородина С. Н. Прагматический механизм реализации слухов в современном английском, французском и русском медиадискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 173 с.
7. Рамантова О. В. Оценка как условие интерпретации слухов (на мат-ле соврем. англояз. публицист. текстов) // Наука сегодня: вызовы и решения: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., г. Вологда, 31 января 2018 г.: в 2-х ч. Ч. 2. Вологда: ООО «Маркер», 2018. С. 37–38.
8. Рамантова О. В. Репрезентация оценки достоверности передаваемой информации в высказываниях о слухах (на мат-ле соврем. англояз. публицист. текстов) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2018. №1(1). С. 23–25.
9. Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория. Волгоград: Перемена, 2010. 322 с.
10. Панченко Н. Н. Газетная «утка» как речевой жанр // Известия ВГПУ. Серия Филологические науки. 2009. №7(41). С. 39–44.

11. Осетрова Е. В. Молва как объект интереса современных гуманитарных практик // Проблемы исторического языкознания и ментальности. Вып. 3: Современное русское общественное сознание в зеркале вербализации. Красноярск, 1999. С. 59–68.
12. Осетрова Е. В. Слухи в речевой и языковой действительности // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. №1. С. 49–54.
13. Осетрова Е. В. Неавторизованная информация в современной коммуникативной среде: речеведческий аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Красноярск, 2010. 42 с.
14. Осетрова Е. В. Слухи в парадигме лингвистической генетики // Жанры речи. 2015. №2(12). С. 80–89.
15. Осетрова Е. В. Адаптация слуха к печатному изданию // Филологическое обеспечение профессиональной деятельности: мат-лы Всеросс. науч. конф. Барнаул, 2006. С. 60–65.
16. Осетрова Е. В. Модус неопределенности в текстах современных СМИ // Речевое общение: специализированный вестник / под ред. А. П. Сквородникова. №4(12). Красноярск, 2002. С. 84–90.
17. Осетрова Е. В. Недостоверная информация в СМИ: соотношение информационной нормы и журналистского узуса // Русский язык сегодня: сб. статей. М.: Ин-т русского языка РАН, 2006. №4. С. 432–444.
18. Осетрова Е. В. О двух способах существования газетных слухов // Вестник Красноярского гос. ун-та. Гуманитарные науки. 2006. №6. С. 224–226.
19. Осетрова Е. В. Причина, цель и функции использования слухов в массмедиа // Язык. Дискурс: мат-лы III Междуна-род. науч. конф. Ростов н/Д: изд-во ЮФУ, 2007. С. 48–52.
20. Осетрова Е. В. Слухи в печатных изданиях: новая фактура и субъективный контекст // Изменяющаяся Россия: Новые парадигмы и новые решения в лингвистике: мат-лы I Междуна-род. науч. конф.: в 4-х ч. Кемерово: Юнити, 2006. Ч. 3. С. 268–274.
21. Осетрова Е. В. Слухи в печатных СМИ: содержательное использование // Современная филология: Актуальные проблемы, теория и практика: сб. мат-лов междуна-род. науч. конф. Красноярск, 2005. С. 55–61.
22. Осетрова Е. В. Функции слухов в газетном тексте // Региональная пресса: Классика и современность: сб. науч. ст. Красноярск, 2006. С. 51–55.
23. Кобрин О. А. Категория эвиденциальности в современном английском языке: семантика и средства выражения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2003. 23 с.
24. Иванова С. В., Чанышева З. З. Технологии оформления слухов в политическом дискурсе массмедиа // Политическая лингвистика. 2014. №2(48). С. 39–49.
25. Карасик В. И. Фактоиды как лингвокультурное явление // Политическая лингвистика. 2017. №3(63). С. 21–30.
26. Чанышева З. З., Хазиева Р. Р. Дискурсивные практики использования агрессивной лжи в конфликтогенном дискурсе // Вестник Башкирского университета. 2015. Т. 20. №3. С. 974–980.
27. Хазиева Р. Р. Использование ложной информации в дискурсивном лингвополитическом моделировании действительности (на мат-ле англояз. конфликтогенных текстов): дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2018. 198 с.
28. Халгаева Д. Д. «Светская хроника» как жанр женских электронных журналов (на мат-ле рус. и англ. языков): дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 200 с.
29. Иванова С. В., Хакимова Г. Ш. Жанр светских слухов в дискурсе англоязычных массмедиа // Russian Journal of Linguistics. 2020. Т. 24. №2. С. 386–418. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-386-418.
30. Хакимова Г. Ш. Лингвистическая румурология как перспективное направление отечественного языкознания // Перевод. Язык. Культура: мат-лы IX Междуна-род. науч.-практ. конф. СПб: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 278–282.

Поступила в редакцию 27.08.2021 г.

DOI: 10.33184/bulletin-bsu-2021.3.47

**LINGUISTIC STUDIES OF THE SPEECH GENRE OF RUMORS
IN MODERN MEDIA DISCOURSE:
A SYSTEMATIC REVIEW OF RUSSIAN LITERATURE**

© G. Sh. Khakimova

*South Ural State University, Zlatoust branch
16 Turgenev Street, 456209 Zlatoust, Russia.*

Phone: +7 (3513) 79 06 90.

Email: gkhakimova@yandex.ru

This review is devoted to evaluating and systemizing Russian scientific studies carried out within the framework of linguistic research of the phenomenon of rumors primarily as a speech genre represented in various mass media discursive and communicative practices. The aim of the article is to identify the specifics of scientific approaches to the object under consideration. In the literature reviewed the communicative-textual nature of rumors as a subject of study is studied on the material of various languages from the standpoint of media linguistics. The analysis reveals that these studies are based mainly on the methods of communicative-pragmatic, cognitive-discursive and cultural approaches in linguistics. The mediatization of rumors, i.e. the penetration of rumors as unverified information of oral nature by origin into the communicative-textual field of the media, indicates that they have acquired a qualitatively new feature, typified by the status of written texts. As a result, a speech genre of media rumors has emerged in the modern media discourse within the conditions of the information-oriented society. Overall, the evaluation of linguistic literature dealing with the language aspects of rumors makes it possible to state the formation of a new scientific field with its own cultural traditions within the framework of Russian linguistics. Its hot topic, independent, borderline character blend seamlessly into the trends of world rumorology, enriching the latter with the new knowledge on the distinctive nature of the complex object under study. This field is proposed to be denoted as linguistic rumorology or linguorumorology.

Keywords: phenomenon of rumors, media rumors, media text, media genre, media discourse, mass media, systematic review.

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at bulletin_bsu@mail.ru if you need translation of the article.

REFERENCES

1. Khakimova G. Sh. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2021. Vol. 14. No. 6. Pp. 1705–1712. DOI: <https://doi.org/10.30853/phil210280>.
2. Prozorov V. V. Zhanry rechi: sb. nauch. tr. No. 1. Ed. V. E. Gol'dina. Saratov: Kolledzh, 1997. Pp. 162–167.
3. Kon'kov V. I. Logos. Obshchestvo. Znaki (k issledovaniyu problemy fenomenologii diskursa). Saint Petersburg: SPbGU, 1997. Pp. 38–45.
4. Zaditovskaya M. V. Trudy RGUPS. 2013. No. 1. Pp. 20–30.
5. Bykova O. N. Vestnik KrasGU. Gumanitarnye nauki. 2000. No. 2. Pp. 85–90.
6. Borodina S. N. Pragmaticheskii mekhanizm realizatsii slukhov v sovremennom angliiskom, frantsuzskom i russkom mediadiskurse: dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2015.
7. Ramantova O. V. Nauka segodnya: vyzovy i resheniya: mat-ly Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., g. Vologda, 31 yanvarya 2018 g.: v 2-kh ch. Pt. 2. Vologda: OOO «Marker», 2018. Pp. 37–38.
8. Ramantova O. V. Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk. 2018. No. 1(1). Pp. 23–25.
9. Panchenko N. N. Dostovernost' kak kommunikativnaya kategoriya [Credibility as a communicative category]. Volgograd: Peremena, 2010.
10. Panchenko N. N. Izvestiya VGPU. Seriya Filologicheskie nauki. 2009. No. 7(41). Pp. 39–44.
11. Osetrova E. V. Problemy istoricheskogo yazykoznanii i mental'nosti. No. 3: Sovremennoe russkoe obshchestvennoe soznanie v zerkale verbalizatsii. Krasnoyarsk, 1999. Pp. 59–68.
12. Osetrova E. V. Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 2003. Vol. 62. No. 1. Pp. 49–54.
13. Osetrova E. V. Neavtorizovannaya informatsiya v sovremennoi kommunikativnoi srede: rechevedcheskii aspekt: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Krasnoyarsk, 2010.
14. Osetrova E. V. Zhanry rechi. 2015. No. 2(12). Pp. 80–89.
15. Osetrova E. V. Filologicheskoe obespechenie professional'noi deyatel'nosti: mat-ly Vseross. nauch. konf. Barnaul, 2006. Pp. 60–65.
16. Osetrova E. V. Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyi vestnik. Ed. A. P. Skovorodnikova. No. 4(12). Krasnoyarsk, 2002. Pp. 84–90.

17. Osetrova E. V. Russkii yazyk segodnya: sb. statei. Moscow: In-t russkogo yazyka RAN, 2006. No. 4. Pp. 432–444.
18. Osetrova E. V. Vestnik Krasnoyarskogo gos. un-ta. Gumanitarnye nauki. 2006. No. 6. Pp. 224–226.
19. Osetrova E. V. Yazyk. Diskurs: mat-ly III Mezhdunarod. nauch. konf. Rostov n/D: izd-vo YuFU, 2007. Pp. 48–52.
20. Osetrova E. V. Izmenyayushchayasya Rossiya: Novye paradigmy i novye resheniya v lingvistike: mat-ly I Mezhdunar. nauch. konf.: v 4-kh ch. Kemerovo: Yuniti, 2006. Pt. 3. Pp. 268–274.
21. Osetrova E. V. Sovremennaya filologiya: Aktual'nye problemy, teoriya i praktika: sb. mat-lov mezhdunar. nauch. konf. Krasnoyarsk, 2005. Pp. 55–61.
22. Osetrova E. V. Regional'naya pressa: Klassika i sovremennost': sb. nauch. st. Krasnoyarsk, 2006. Pp. 51–55.
23. Kobrina O. A. Kategoriya evidentsial'nosti v sovremennom angliiskom yazyke: semantika i sredstva vyrazheniya: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Saint Petersburg, 2003.
24. Ivanova S. V., Chanysheva Z. Z. Politicheskaya lingvistika. 2014. No. 2(48). Pp. 39–49.
25. Karasik V. I. Politicheskaya lingvistika. 2017. No. 3(63). Pp. 21–30.
26. Chanysheva Z. Z., Khazieva R. R. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2015. Vol. 20. No. 3. Pp. 974–980.
27. Khazieva R. R. Ispol'zovanie lozhnoi informatsii v diskursivnom lingvopoliticheskom modelirovanii deistvitel'nosti (na mat-le angloyaz. konfliktogennykh tekstov): dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2018.
28. Khalgaeva D. D. «Svet-skaya khronika» kak zhanr zhenskikh elektronnykh zhurnalov (na mat-le rus. i angl. yazykov): dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2015.
29. Ivanova S. V., Khakimova G. Sh. Russian Journal of Linguistics. 2020. Vol. 24. No. 2. Pp. 386–418. DOI: 10.22363/2687-0088-2020-24-2-386-418.
30. Khakimova G. Sh. Perevod. Yazyk. Kul'tura: mat-ly IX Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. Saint Petersburg: LGU im. A. S. Pushkina, 2018. Pp. 278–282.

Received 27.08.2021.